

Глава 1

ПЛЕМЕНА-ИЗОЛЯТЫ (АНДАМАНСКИЕ АБОРИГЕНЫ)

Мы начинаем свой рассказ с наиболее ранних племен — андаманцев, коренного населения Андаманских островов, которых обычно рассматривают как остаток одного из древнейших человеческих сообществ. Они смогли донести до нашего времени (естественно, не полностью в первоначальном виде) самые ранние формы социальной организации и культуры, фиксируемые источниками. Андаманы открылись глазам пораженных наблюдателей и ученых, по существу, только в середине XIX столетия, когда после Сипайского восстания английские хозяева Индии обратились к этим ничейным островам в поисках места для организации каторги.

Андаманский архипелаг включает целый ряд островов, которые объединены в два крупных обитаемых комплекса — Большой и Малый Андаманы. Острова оказались заселены — около 5 тысяч островитян, среди которых ученые выявили границы двенадцати племен, были обнаружены в лесах двух главных островов. «Великие андаманцы» — под таким названием были известны племена Большого Андамана (это примерно десять племен). Увы, были, поскольку в настоящее время они уже прекратили свое существование. На Малом Андамане, кроме *онге*, аборигенов этого острова, представители которых еще сохранились, проживают *джарава* и *сентинельцы*. Андаманские аборигены — онге — негритосы, остаток древней негритосской расы, которая в древности, до отделения островного мира от азиатского материка, была распространена на обширной территории Юго-Восточной Азии, а в новое время была представлена лишь небольшими группами — малайскими *семангами* и филиппинскими *азта*.

Понятно, какой сенсацией было обнаружение на Андаманах еще одной группы некогда великой расы, к тому же наименее подвергшейся

посторонним влияниям благодаря не только географической изоляции их островов от остального мира, но и комплексу страха, который сложился у поколений мореплавателей в отношении аборигенов, а также невхождению островов в политические рамки какой-либо страны. Андаманцы — очень темные по окрасу кожи, курчавоволосые, крайне низкорослые (мужчины — 145 см, женщины — 138 см), с инфантильными, как отмечают антропологи, чертами лица, с отчетливо проявляющейся у женщин стеатопигией. Подчеркивается чисто азиатский характер их антропологического облика. У исследователей вызывает особенный интерес тот факт, что никакие смешения почти не нарушали чистоту их облика, — это поистине уникальный случай.

Кроме того, необходимо (в первую очередь для эколога) отметить их органичную вписанность в свое природное окружение — на протяжении тысячелетий они жили исключительно тем, что «приготовила» им сама природа, не нарушая баланса с этой средой и донеся до нашего времени те же способы обеспечения своего существования. Это удивительный пример длительного и полного сохранения баланса между природой и человеком, что объясняется обширностью и богатством лесных просторов островов при незначительной численности и небольшом росте населения.

Предельная адаптация к своей среде — главное условие выживания аборигенов в сложных условиях отрыва от цивилизованного мира. Это адаптация физиологическая (эластичность кожи, иммунитет к малярии, удивительная острота зрения), психологическая (полная аккомодация к мрачным лесным дебрям, наводящим страх на всех пришельцев) и, главное, хозяйственная. О глубине последней говорит, в частности, наличие двух основных групп — лесных (*эремтага*) и прибрежных (*ариото*) андаманцев. Поражают знания морских андаманцев в области морской охоты, пород рыб, их умение плавать и нырять, изготавливать лодки и различные орудия лова. Лесные жители столь же примечательны великолепным знанием зоологии и ботаники, умением разбираться в повадках зверей и свойствах растений. Всем андаманцам прекрасно известно, в какое время года следует охотиться на гигантских черепаха или кабанов, когда какое растение цветет и какими оно обладает лечебными свойствами, какое дает наиболее сочные и вкусные плоды. Да, эти стоящие на уровне развития людей каменного века лесные изоляты живут в своем особом природном мире, в котором они чувствуют себя уверенно и который в течение тысячелетий являлся их единственной экологической средой, поскольку другие виды экологического окружения (такие как социальное, этническое) у них

отсутствовали вплоть до их столкновения с новопоселенцами, которые разрушили их устоявшийся мир.

Итак, основные занятия андаманцев — собирательство готовых продуктов леса, охота, ловля рыбы и морских животных — то, что принято определять как «непроизводящее хозяйство». Тот факт, что андаманцы так и не перешли к оседлому производящему хозяйству — лесному земледелию, в немалой степени объясняется исключительной природной щедростью островов, что не создавало стимулов для технологического развития. Хочется отметить еще один важный момент: андаманцы не выходили за пределы своей локальной географии, собирая все необходимое для жизни исключительно на своей племенной территории. Кстати, именно этот момент после столкновения с внешним миром сослужил им плохую службу, мешая обжиться на новых участках того же леса, куда они были оттеснены переселенцами.

Андаманский год расписан буквально по дням. Основная жизненная задача — добывание пищи, на что уходит весь день, хотя, несмотря на нелегкий труд, всегда остается время для общих танцев и развлечений. Время проходит в постоянных ежедневных походах за корнеплодами и съедобными корнями, дикими фруктами, в поисках лесной дичи. Весь хозяйственный цикл идет своим чередом, но его своеобразная кульминация для лесных жителей — сбор меда диких пчел. Зацветает дерево *rar*, что означает подготовку к медовому сезону, потом к нему присоединяются другие медоносы. Уменьшается луна — и тогда готовятся к походу за медом. Заранее заготавливают растение *джини*, сок которого обладает запахом, отпугивающим пчел. Обычно в сборе меда участвует вся группа — меда нужно много, он компенсирует организму недостаток сахара, которого мало в диких плодах. Онге собирают личинки цикад и рогатых кузнечиков, которые рассматриваются как деликатесы. Основное орудие собирателей — копательный кол (палка-копалка) из твердого дерева с заостренным концом или крючковатый шест для сбора плодов с деревьев. Металла андаманцы не знали, однако к ним в руки могли попадать железные предметы с потерпевших крушение судов, и их иногда использовали для замены отдельных частей традиционных орудий (не изобретая новые формы). Онге ловят все, что живет в море.

И, конечно, охота — основное и любимое занятие андаманцев. Это не просто труд, добыча средств к существованию, но и развлечение, спорт, праздник, волнующее коллективное действие. На кабанов охотятся с собаками, которые были завезены на острова и размножились там, охотятся с луком и стрелами, которые являются и основным рыболовным орудием. После успешной охоты устраиваются общие танцы,

которые составляют органичную часть жизни аборигенов. Андаманцы не пользовались *сумпитаном* — духовым ружьем. Мы специально отмечаем этот факт, поскольку в известной повести Артура Конан Дойля «Знак четырех» герой, абориген Андаманских островов, совершает убийства с помощью смертоносной стрелки, выпускаемой из духового ружья. Такое оружие имеет распространение не на Андаманах, а на Калимантане, у даяков Индонезии. Из других видов занятий можно отметить гончарство, высокий уровень развития которого заинтересовал исследователей.

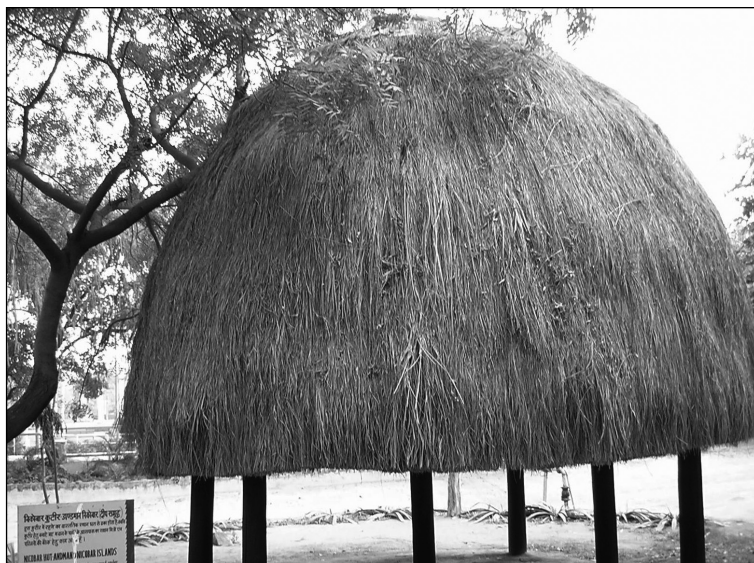
В целом общее развитие андаманцев настолько низко, что они — едва ли не единственные в мире — не умели и, по существу, так и не научились добывать огонь, а лишь сохраняли его, перенося в своих перекочевках тлеющий кусок дерева, загоревшийся после частых в этих широтах гроз. В первобытном обществе андаманцев не оказалось потенциалов для развития даже бартерного обмена (напоминаю, что речь идет о доколониальном периоде в жизни аборигенов). Правда, у андаманцев, как и у многих первобытных народов, существовал обычай обмениваться некоторыми ценными у них предметами: оружием, утварью, украшениями. Однако это следует рассматривать именно как дары, не имеющие товарной ценности, но преподносимые с расчетом на ответное одаривание. Основной целью такого обмена было установление дружественных отношений, поддержание мира между племенами.

Можно ли считать андаманцев народом неоседлым, всегда находящимся в пути? Скорее их можно назвать полукочевым народом, поскольку при всей подвижности их образа жизни у них имелись и постоянные стоянки, к которым они регулярно возвращались. Можно выделить три основных типа стоянок андаманцев. Первый тип — постоянная стоянка, считающаяся таковой с известной долей условности, к ней возвращались в определенные сезоны и проводили в ней значительную часть года. Такая стоянка могла использоваться из поколения в поколение. Второй тип — временная — там группа проводила не более 2–3 месяцев, эта стоянка всегда имела вид деревни, в то время как постоянная могла выглядеть и как единая общинная хижина. Третий тип — охотничья стоянка, примитивный заслон от непогоды, наиболее архаичный тип, рассчитанный на несколько дней.

Несколько слов нужно сказать об этих типах стоянок. Как отмечалось, постоянный лагерь может выглядеть как группа построек, расположенных по принятому плану, а может быть одной общинной хижиной, которая заменяет целую деревню. Место для постоянных стоянок выбирают очень тщательно — оно должно быть защищено от жестоких

тропических бурь, располагаться поблизости от источника питьевой воды и освоенных хозяйственных угодий.

Общинная хижина — наиболее древний тип жилища, рассчитанный на долгие годы использования. Это уникальное сооружение (рис. 1), которое уже практически ушло из жизни, но описания и фотографии которого свидетельствуют о еще недавнем распространении этого типа жилищ. Первое, что бросается в глаза, — высокая зонтичная крыша, остов которой составляют два-три ряда концентрически расположенных столбов. Это круглая, достаточно монументальная постройка, способная защитить ее обитателей от непогоды, но очень тесная, поскольку вмещает население целой деревни. Внутри нет семейных ячеек и особого помещения для вождя — ее конструкция отражает общинный, эгалитарный характер общества. Именно в таких древних общинных хижинах сложился весь традиционный уклад жизни. Здесь разделявали добычу, спасались от непогоды, на лужайке мужчины танцевали под аккомпанемент женского пения. Место для танцев — обязательный элемент традиционной андаманской постройки, к какому бы типу она ни принадлежала. Отдельные спальные места располагаются в основном по радиусу, по большому внутреннему кругу, люди спят лицом к центральному столбу и ногами к наружному кругу. В центре, под высшей точкой крыши, находится общинный очаг, где постоянно горит огонь. Наряду с ним имеются и отдельные семейные очаги.

В другом типе постоянной стоянки — поселении в виде деревни — в рассредоточенном виде повторяется структура общинной хижины. Семейные хижины (от 10 до 15) выстраиваются вокруг открытого центрального пространства — места для танцев. Непременной принадлежностью деревни является, как и в общинной хижине, общий очаг — символ единения всей группы, которым пользуются достаточно часто — как только появляется повод для празднования (удачная охота, счастливый день по местному календарю и пр.). Тогда день заканчивается общими танцами и коллективным угощением. Очаг обычно располагается возле хижины для юношей (прообраз будущего мужского дома), по некоторым сведениям, в прошлом строились и дома девушек.

Стоянки второго типа, которыми пользовались более короткое время, всегда имеют форму деревенского поселения и отличаются от первых меньшей надежностью и тщательностью изготовления. Наклонная крыша, высоко вздымающаяся спереди и низко свисающая сзади, кроется листьями или травой и, по наблюдениям исследователей, характерна для типичных жилищ негритосов (в частности, хижин малайских семангов).

Лес не только кормит андаманца и дает ему строительный материал, но и помогает удовлетворить все его жизненные потребности. Скучная одежда — пояс и набедренная повязка, передник, небольшой набор украшений — все это делается из растительных волокон, листьев, древесной коры. Многие племена вообще не пользуются одеждой, ограничиваясь поясом, за который затыкаются необходимые предметы (стрелы, топики и пр.).

В качестве украшений используют простые веревки из растительных волокон, которые носят в виде ожерелий и поножей. Материалом также могут служить раковины и кости (человеческие и звериные). Вызывает удивление, что аборигенами редко используются такие завидные украшения, как перья птиц, тем более что птичий мир на Андаманах отличается большим разнообразием и ярким оперением. Видимо, отсутствие уборов из птичьих перьев в костюме андаманцев является характерной чертой негритосской культуры, поскольку, как показывают материалы, они не использовались и другими представителями этой расы (в отличие от океанийской традиции).

Внешний облик андаманца завершает прическа. Издавна практиковалось бритье головы, иногда — наголо, иногда посередине оставляют небольшой ежик — нечто вроде тибетейки из волос. Что касается пищи андаманцев, то по существу о ней уже было сказано при описании их хозяйства. Хочется лишь подчеркнуть, что, хотя аборигены не добывали

огня, они всегда варили добытое мясо и морепродукты. К разговору о пище мы вернемся в связи с важностью той роли, которую она играет во многих обрядах андаманцев.

Заключая приведенные краткие сведения по материальной культуре андаманцев, хотелось бы отметить следующее: во-первых, лес (отчасти и море), дающий им все необходимое, может с полным основанием считаться не только природной, но и культурной их средой. Во-вторых, при всей застойности и отсталости материальной культуры и техники хозяйства андаманцев, там проходили известные прогрессивные изменения (не связанные с какими-либо внешними влияниями), которые не сразу бросаются в глаза, потому что были растянуты на длительный период времени. И все же отсутствие стимулов для развития в условиях щедрой природной среды привело к длительному гомеостазу, результатом чего стало положение островитян на низшей ступени общественного развития.

Восстановить традиционную социальную структуру андаманцев очень непросто, но можно констатировать, что речь идет об обществе, крайне неразвитом социально, об обществе эгалитарном, с весьма ограниченным набором социальных подразделений. Многие элементы этого общества (которые мы не решаемся назвать институтами) находятся в зачаточном, нестабилизированном состоянии. К тому же после раскрытия общества аборигенов для внешнего мира процессы депопуляции и деградации происходили весьма стремительно, так что далеко не все черты этого общества могли быть учтены. При всей нечеткости социальных реалий у андаманцев (и наших знаний о них) можно говорить о том, что племя у них — категория социальная. Ведь важнейшими из показателей распада социальной системы андаманцев являются именно нарушение эндогамии и обособленности племен, их смешение при попытке переселения на общую территорию.

Однако реально функционирующими социальными общностями следует считать, как и у большинства племен, локальную группу и семью. Именно локальные группы, связанные узами родства и общими хозяйственными интересами, отмечали первые исследователи Андаман, когда писали, что андаманцы живут небольшими бродячими группами. Каждая группа была полностью автономна, занималась своим хозяйством и исполняла все социальные функции безотносительно к другим частям племени. Правда, ежегодно проходили общие встречи нескольких племен, обычно тех, территории перекочевок которых находились по соседству. Это способствовало сближению племен и установлению дружеских контактов. Во время общих собраний обычно происходил обмен дарами, о котором упоминалось выше. В результате численность

такой локальной группы не была стабильной — в период встреч она разрасталась, а в другое время сокращалась до двух-трех семей, занимавшихся решением той или иной целевой задачи.

В локальную группу входят несколько семей. Семьи у андаманцев никогда не были большими, в них, кроме мужа и жены, входят 1–2 ребенка и иногда кто-нибудь из одиноких престарелых родственников. Семьи одной группы обычно связаны родственными узами — подрастающие дети, образуя свою семейную ячейку, обычно остаются в группе родителей. Возможно переселение из одной группы в другую — такие переходы обычно затруднены в социумах со сложившейся родовой структурой, но андаманское общество не дошло до развития родовых связей и создания длинных генеалогий. Напомним, что речь идет о тупиковом варианте развития, отличном от генеральной линии эволюции. Если в научной литературе иногда встречаются термины, принятые для определения родовых институтов, то при ближайшем рассмотрении оказывается, что под ними скрывается та же локальная группа — основная социальная единица андаманцев. Именно такая локальная группа и составляла население описанных выше общинной хижины и поселения типа деревни. Каждый человек пользуется своими личными орудиями труда и другими нужными предметами, имеет право на свою долю добычи в охоте или рыбной ловле, готовит на своем семейном очаге (кроме отмеченных выше коллективных угощений, когда используют общий очаг). Единственная коллективная собственность — земля локальной группы. При этом предметы постоянно отдаются и принимаются в дар, легко происходит естественное отчуждение и столь же простое приобретение любых предметов, так что никакая вещь не принадлежит одному лицу долгое время. Так что проблема собственности практически не встает перед андаманцами.

В эгалитарном обществе андаманцев существует единственная привилегия — это привилегия возраста. При дележе добычи лучшие куски получают старшие, даже не участвовавшие в охоте, владельцем лодки чаще всего оказывается один из старших членов группы, а молодые его обслуживают. Именно авторитет старших заменяет неразвитую постестарную систему и помогает поддерживать мир и порядок в группе. В свете всего сказанного представляется, что локальную группу при всей несбалансированности ее социальных связей, аморфности состава можно считать общиной самого раннего типа, характерного для доземледельческих народов: ведь именно эта общность выступает как основной субъект всей социальной структуры островитян, то есть выполняет функции именно общины.

Несколько дополнительных соображений об андаманской семье. Семья у андаманцев — по типу, как уже говорилось, малая, парная, то есть нестабильная, несамостоятельная в хозяйственном плане ячейка. В то же время семья внутренне спаяна, для нее характерна достаточная прочность семейных уз. Как и в большинстве ранних обществ, у андаманцев практикуется добрачная свобода, но после заключения брака внебрачные связи считаются неприемлемыми. Конечно, на семью, как и на другие сферы общественной жизни (и, вероятно, еще в большей степени), оказало губительное влияние появление на островах каторги, что привело к ломке и до того не слишком стойких моральных устоев. Наиболее ощутимым регулятором брачных связей следует считать эндогамию племен, но с появлением новых администраторов, которые пытались поселить остатки племен в общих домах — *хоумах*, стало происходить смешение племен и отмечаться неразборчивость в брачных правилах. Что касается экзогамии локальных групп, то она является весьма проблематичной, так же как отсутствует последовательность в линейности и локальности заключаемых браков. Отличительной чертой семейной жизни андаманцев является крайне распространенная практика адоптации (иначе *адопции*, то есть усыновления, удочерения) детей. По сообщениям информантов, в традиционном обществе андаманцев редко встречался ребенок старше 7 лет, который жил бы со своими родителями. Адоптировать разрешалось столько детей, сколько человек пожелает, при этом чаще детей адоптируют из чужой, а не из своей группы. В этом обычае отчетливо проявляются присущие первобытному строю коллективизм и общинность. Адопция способствовала установлению близких, дружеских связей между разными общинами, не давала развиваться отчуждению и вражде (вспомним ежегодные встречи разных племен, которые играли сходную роль).

Семейная обрядность у андаманцев крайне скудна и неразвита. Остановимся на одном из обрядов жизненного цикла, который занимает в жизни андаманцев более важное место, чем другие. Мы имеем в виду инициационные церемонии, в которых отражаются разные представления андаманцев, касающиеся их образа жизни и психологии. Через инициацию проходят и юноши, и девушки, хотя только мальчики по достижении зрелости переходят жить в отдельную хижину. Как и во всех ранних обществах, они в процессе восхождения не только к половой, но и к социальной зрелости проходят через ряд испытаний, облеченных в форму инициационных церемоний, каждая из которых имеет (или имела) особый смысл. Уже с раннего возраста все дети начинают подвергаться татуировке (именно подвергаться, потому что это довольно болезнен-

ная операция), нанесение которой продолжается и в последующие годы, принимая форму растянутого во времени обряда. Мы остановимся на инициации юношей, поскольку у них этот ритуал более разработан. Юноша «вступает в зрелость», и это должно быть отмечено не только семьей, но и всей группой. Острием стрелы один из стариков наносит на спину испытуемого горизонтальные линии, а тот должен терпеть боль, не издавая ни звука. Когда рубцы на спине заживут, делают такие же на груди. У девушек все это выглядит менее болезненным.

Но основное содержание инициационных обрядов связано с едой, воздержанием от тех или иных продуктов питания. Общий смысл заключается в том, что испытуемый на время должен отказаться от главных, привычных видов пищи, но так как одновременно это сделать невозможно, то отказываются от различных яств по очереди. Руководят церемонией старшие — знатоки традиций. Одним из самых важных является воздержание от мяса черепахи — любимейшего лакомства андаманцев. По окончании поста (срок определяют те же старики) устраивают «обряд черепахи». Готовят жаркое из черепахи, юношу сажают на подстилку с вытянутыми ногами и сложенными руками (в такой позе он должен просидеть 48 часов), его тело натирают салом животного и дают съесть небольшое количество мяса. Дальше — омовение, танцы, общий праздник, юноша получает новое имя — тайное, никому не известное.

Еще один этап инициации — «обряд кабана». Он знаменует собой окончание запрета на поедание еще одного лакомства — свинины. На плечи юноши, который снова должен сидеть в описанной позе, надевают скелет кабана, тело натирают свиным салом и раскрашивают охрой. Согласно некоторым сведениям, между этими двумя важнейшими этапами инициации имеется еще один — медовый праздник, разрешающий употребление меда после временного воздержания. Таким образом, мы видим, что с помощью описанных церемоний общество намеренно внушает молодым социальную значимость пищи. Меняется социальный статус мальчика — он становится взрослым, и поскольку в жизни андаманцев главное — добывание продуктов питания, он постигает не только материальную, но и социальную и моральную значимость пищи — через возвращение к ней после тяжелого воздержания.

В свадебном обряде тоже принимает участие вся община и даже гости из других групп. Главное обрядовое действие — сидение жениха на коленях у невесты в присутствии всех приглашенных. Социальный союз выражается символически — через физическое объединение. Как и в церемонии инициации, во время свадьбы молодые вступают в новое состояние, которое влечет за собой новые права и заботы. Обязательным

элементом свадьбы, как и во всем мире, является плач — ведь прежние привязанности, прежние отношения хотя и не исчезают, но изменяются, и каждому участнику есть что оплакать. Также интересно отметить, что во время каждого обряда, знаменующего собой вступление в новый жизненный этап, меняется имя (или какое-то время оно не упоминается). Считается, что личность как бы приобретает новое качество, и поэтому человек получает дополнительное имя, часто тайное.

Андаманцы считают, что, умирая, человек не аннигилируется полностью, а просто меняет свои физические черты, свою личность. Поэтому имя недавно умершего человека избегают произносить. В переходный период, когда человеческая личность еще не обрела своей новой формы, имя не употребляется — до окончания траура. Погребальные церемонии андаманцев (тело обычно хоронят в лесу) — это не только выражение личной печали, но и ритуальное проявление чувств всего коллектива — ведь смерть нарушает его солидарность. От тела стараются поскорее избавиться, меняют место стоянки. Конечно, покойного оплакивают, некоторое время все находятся в неопределенном состоянии, когда покойный уже не является членом общества живых, но еще не вошел в мир духов. Переход наступает с окончанием траура, отмечаемого общей торжественной церемонией, где перемежаются слезы и жизненно важные для андаманцев танцы. Тем самым восстанавливается мировой порядок, покой в обществе: покойный занял свое место в ином мире.

Необходимо отметить, что вся структура традиционного общества андаманцев не восстановлена с достаточной убедительностью. Очевидно, что описанное ранними исследователями общество (когда андаманцы уже деградировали, но еще существовали) выглядит как крайне примитивная структура («прелитическая», по словам исследователя Чиприани). Бродячие группы с текучим составом, который не вмещается в имеющиеся классификации (патрилинейная, экзогамная и прочие группы), с несложившимися родовыми категориями, неразвитой системой власти, трудно определимыми брачными нормами. В то же время есть и другое общество, контуры которого достаточно туманно проступают по мере исследования и сравнения доступных отрывочных материалов. Оно тоже крайне примитивно, стоит на низшей стадии развития. Но оно подчинено традициями и правилам поведения и взаимного общения, это общество со своей моралью, со своей, пусть крайне неразвитой, социальной этикой. И это общество, к сожалению, уже практически недоступное для дальнейшего исследования, может быть поставлено в один ряд с другими охотничье-собираТЕЛЬскими культурами, развитие которых пошло по тупиковому пути.

Говоря об андаманцах, нельзя не сказать несколько слов об особенностях их религиозных воззрений (не рискуем говорить — религии, поскольку таковая еще не сформировалась). Вряд ли можно говорить о какой-либо религиозной системе, но в то же время вызывает удивление, что это примитивное, ныне находящееся на грани вымирания человеческое сообщество сумело выработать достаточно сложные понятия, создало пространный (во всяком случае по сравнению с социальной сферой) круг легенд и мифов. Эти затерянные в лесах маленькие группы, постоянно занятые трудом по добыче пищи, на протяжении поколений предавались размышлениям о происхождении людей и животных, смысле различных явлений природы, судьбе человека после смерти, душе и других вопросах, казалось бы, столь далеких от повседневных забот аборигенов.

У андаманцев нет привычных сложившихся форм богопочитания, утвердившихся форм обрядности. Но у них имеются свои представления о добре и зле, о тех поступках, которые могут вызвать гнев высших сил. Существуют и свои легенды о происхождении жизни и людей — и об их гибели, и о первочеловеке — еще не о творце, но о некоем прообразе культурного героя... Как это обычно бывает в зачаточный период становления религии, духи и боги еще не приобрели четкий антропоморфный облик, мифологические предания и легенды существуют во множестве версий. По характеру эти верования, безусловно, носят анимистический характер, имеет место персонификация различных природных явлений, но характер отдельных духов еще весьма нестойкий. Нестабильны даже пол отдельных феноменов (иногда Солнце оказывается мужем Луны, иногда наоборот) и сама сущность образов: например, молния воспринимается то как человек, то как факел, птицы — то в птичьем облике, то в женском и т.д. Поражает многовариантность фольклора, когда сходные события передаются всегда в несколько иной форме, с различными дополнительными деталями (это касается и песен).

Но какой же яркий мир предстает в бесхитростных сказаниях остротиян! Их пантеон и все их религиозные представления — плоть от плоти той природной среды, в которой они существовали на протяжении сотен поколений. Два главных духа среди мириад невидимых сверхъестественных существ — олицетворение двух главных муссонов (и у них пол не определен). Лучший способ их умилостивить — не вредить лесу. Страшный грех — сжигание пчелиного меда, неурочное употребление лесных фруктов и — особо тяжкий проступок — нарушение тишины во время вечернего пения цикады — святого часа, когда все должно умолкнуть. Этот проступок вызывает гнев богов, который проявляется в со-

крушительных грозах и ураганах, столь характерных для природы Андаман. А звери тоже чисто андаманские: гигантские ящерицы, виверры, птица-зимородок и бронзовый голубь и даже... муравьиная куча (муравейник), которая часто выступает в качестве брачного партнера живого существа. В этом удивительном мире рождались религиозные представления и фантазии андаманцев, складывалось их мироощущение.

Передается андаманский фольклор посредством признанных знатоков народной мудрости — *око-джуму*. Этим людям (чаще это мужчины, иногда женщины) приписываются особые знания и связь с духами, от которых они получают колдовскую силу и знахарские способности. Духи — *лау* — окружают людей, могут творить и добро, и зло. Они невидимы, но имеется их описание как светлокожих существ, нередко с длинными волосами и бородой, т.е. им придают черты необычной для аборигенов внешности. Духи всегда опасны. От их пагубного воздействия защищают и различные магические действия (их знают окоджуму), и некоторые предметы: человеческая кость, стрела, огонь, красная краска, которой раскрашивают тело.

Человек после смерти становится духом, причем для андаманцев существует заметное различие между умершими недавно и далекими предками, которые стали предметом особого почитания. Предки рассматриваются как своеобразные боссы — *бигмены* — и постоянно фигурируют в местных преданиях.

В сонме лесных и морских духов есть и персонифицированные (хотя и недостаточно четко) боги, которым приписываются различные существенные функции, даже функция Творца. Особо выделяется Пулуга — верховное существо, он никогда не был рожден, он невидим, бессмертен и вечен. У него есть жена, множество дочерей и один сын. Это уже не бестелесные духи, они обладают определенным обликом (хотя и тут могут быть варианты): жена имеет зеленую кожу, дочери — черную. Очень интересна его связь с муссонами. «Боги, создающие муссоны» — так назвал индийский исследователь Д. Бисвас Пулугу и другого бога — Тарай (все имена имеют разночтения), уступающего Пулуге по популярности, но занимающего равное с ним место «муссонного бога».

Такое высокое положение «муссонных богов» не случайно. Роль муссонов на Андаманах настолько велика, что миропониманию андаманцев свойственно деление пространства не только по странам света, но и по муссонам. Вся жизнь этих детей природы зависит от муссона, его силы, времени прихода. Но даже эти наиболее популярные боги отличаются весьма противоречивыми характеристиками: неопределенны их пол, их родственные связи, и их поступки излагаются по-разному. Связь с мус-

сонами — еще одно свидетельство теснейшего слияния андаманцев с природным миром, который не только питает их в буквальном смысле слова, но и дает пищу для религиозно-мифологических представлений. Солнце, дающее тепло, Луна с ее мягким сиянием, гром и молния, проявляющиеся в обстановке яростных тропических бурь, радуга — многоцветный путь на небеса — все эти явления поражают воображение андаманцев (как и других жителей разных широт) и порождают множество легенд, суеверий, страхов и восторгов...

Есть у андаманцев и понятие души. По их поверьям, она рождается из зеркального отражения в воде. Имеются довольно смутные представления о том, что в теле андаманинца сосуществуют дух и душа, после смерти душа покидает тело, и человек становится духом. Мифология андаманцев достаточно разнообразна, но, подчеркнем еще раз, в изложении каждого андаманинца любой рассказ существует самостоятельно, отдельные варианты не объединяются в общую картину. Большая часть фольклора обращена в прошлое — это рассказы о происхождении мира и различных явлений, о мифических предках, богах и животных.

Распространен рассказ о первочеловеке, которому бог Пулугу дал разнообразные знания и который потом сам сотворял других людей. При этом человек (человечество) может родиться от брака гигантской ящерицы и виверры. Можно проследить мотивы о потопе в рассказе о продолжительном ливне (в ходе которого люди могли превратиться в животных и птиц), посланном богами на землю за грехи людей, например за нарушение тишины во время вечернего пения цикады; о похищении огня у богов, часто совершаемом птицами (или женщинами с птичьими именами), иногда — виверрой или ящерицей.

Мы видим, что эти мировые сюжеты (точнее, еще мотивы) вписаны в местный колорит, отсутствуют барьеры между человеком и животными, которые могут свободно превращаться друг в друга или выступать то в одной, то в другой ипостаси. Такого рода «вписанность» не только человека, но и его религиозных и мифологических представлений в свой привычный мир — отличительная черта практически всех «природных народов». Абстрактное мышление еще не получило развития, все образы и представления воплощаются вполне конкретно в привычных для Андаман реалиях.

Переломным моментом в судьбе всех народов, прошедших тысячелетия в состоянии изоляции, был выход к широким контактам с внешним миром. Для разных регионов это время не полностью совпадает, но в целом оно определяется процессами капитализации, которые, хотя и в запоздалой, колониальной форме, стали развиваться и в Ин-

дии. Этот процесс коснулся племенного населения в конце XIX — начале XX в., когда растущая потребность в минеральных ресурсах, в частности в дешевом топливе для развивающихся заводских предприятий, привела к уничтожению барьеров, отделявших закрытые лесные территории и их обитателей от большого мира. Последствия соприкосновения народов первобытной периферии и пришлого населения эпохи индустриального века оказываются достаточно драматическими и в большей своей части разрушительными. При этом чем больше разрыв в уровне развития взаимодействующих народов, тем труднее устоять недавнему изоляту, который всегда оказывается слабой стороной. В этом смысле положение андаманских аборигенов оказалось наиболее трагическим. Примитивное хозяйство, неоформившаяся социальная структура, менталитет людей каменного века оказались настолько хрупкими и незащищенными при первом столкновении с так называемым цивилизованным миром, что ни о какой интеграции в русло общей жизни, провозглашаемой индийскими политологами (и даже об ассимиляции), не могло быть и речи. И самое страшное заключалось в том, что произошел разрыв тех древних связей, которые соединяли андаманцев с их природной средой, связей, определявших все особенности их традиционного общества, т.е. произошло выпадение аборигенов из их экологического окружения.

Поскольку, как отмечалось выше, в традиционном обществе аборигенов не было стимулов, которые изнутри способствовали бы его поступательному развитию, решающим оказалось влияние внешних сил. Появление в жизни андаманцев каторжного поселения, новой администрации, позднее — потока колонистов нарушило устоявшийся за века строй жизни аборигенов и привело к переменам, к которым островитяне не были подготовлены ни физически, ни морально. Прежде всего пострадала та природная среда, с которой, как было показано выше, андаманцы составляли единое целое. Сразу начались расчистки леса, что привело к вытеснению части племен из мест их традиционных перекочевок, из их привычной «малой экологии». К тому же, первые шаги колонизаторов сопровождались кровавыми столкновениями, которые унесли жизнь многих и так достаточно немногочисленных островитян. С увеличением числа переселенцев (очень разных по этническому составу) андаманские аборигены вскоре оказываются на положении этнического меньшинства на своих родных островах. Первые неудачи колониальной администрации имели своим печальным последствием долгие годы вражды и недоверия со стороны племен, нестабильному укладу которых был нанесен тяжелый удар.

Далее положение усложнилось. Видя гибельные последствия карательных акций против аборигенов, английская администрация изменила политику и решила пойти по пути их приручения. С этой целью в 1883 г. были устроены специальные жилища (их обычно называют «хоумы»), куда стали переселять аборигенов с, казалось бы, самыми благими намерениями — оказания помощи, опеки, отлучения их от «варварских обычаев». При этом следует учитывать важные слова, произнесенные Э. Мэнном, одним из первых исследователей андаманцев, который занимал высокую должность заместителя суперинтенданта Андаманских и Никобарских островов: он выразил сомнение в том, что указанные попытки администрации смогут дать только положительные результаты, ибо обнаружено, что «насколько они выигрывают в интеллекте и контактности, в той же мере становятся жирными и ленивыми». Это выражение хотя и звучит несколько шокирующе, к сожалению, оказалось на редкость прозорливым. Действительно, получая привозимую пищу, андаманцы быстро утрачивают инициативу в добывании традиционных средств к существованию, забрасывают свою любимую охоту и все больше времени начинают проводить в тоскливом ожидании прибытия корабля с продуктами и прочими вещами. Зависимость от природы сменилась зависимостью от посторонних, которые способны их подкармливать и одаривать.

Хоумы сыграли трагическую роль и в том отношении, что именно с них началось распространение эпидемий и патологий, против которых у андаманцев не было иммунитета. Не менее важные последствия хоумы имели и для всей внутренней социальной структуры аборигенов. Они оказали разрушительное воздействие на основы племенного общества, так как под одной крышей собирали людей, принадлежавших к разным племенам, что имело следствием нарушение племенной эндогамии — одного из основных факторов социальной структуры андаманцев. Если раньше каждая локальная группа была связана со своей ландшафтной зоной, которая признавалась всеми племенами, то с появлением хоумов «мирные андаманцы» стали свободно кочевать по всем районам островов, игнорируя традиционные границы. Мы употребили словосочетание «мирные андаманцы», так как сложилась своеобразная ситуация: именно те андаманцы, которые согласились на дружественные отношения с администрацией и отдавали в хоумы своих детей, в первую очередь стали исчезать как этнос («великие андаманцы»). Выжили те, кто занял откровенно враждебную позицию и ушел в леса, не отвечая на попытки установить с ними связь (джарава — до сих пор нет полной ясности, сколько их членов находится в гуще андаманских джунглей), а также от-

части те, кто познакомился с переселенцами с материка позднее (онге). Хотя отдельные племена (точнее, остатки отдельных племен) имеют разную судьбу, однако общие выводы касаются всех: именно выпадение из своей среды — и природной, и социальной — привело к потере «нерва жизни», как пишут исследователи, отсюда — утрата интереса к жизни и снижение жизнестойкости — необходимых для существования народа качеств. Да, после обретения независимости индийское правительство предпринимает меры по сохранению уникального андаманского этноса, но последствия распада традиционной структуры и особенно психологического надрыва едва ли преодолимы.

Андаманцы — племена, находящиеся на начальном уровне развития. Другая группа племен, также в ходе своего развития не достигшая уровня производительного труда, — собиратели и охотники — населяет горы Южной Индии. Они также принадлежат к негроавстралоидной расе, но не к негритосам, а к так называемым веддоидам. Они отличаются малорослостью («пигмеоидность»), но несколько выше андаманцев. Антропологи отмечают их густой волосяной покров на теле, они темнокожи и мускулисты — типичные горцы, привыкшие к длительным переходам по горным отрогам и по густым джунглям. Это кадары, ченчу и ряд других племен — именно в горах Южной Индии находится очаг самых слаборазвитых адиваси. Они говорят на дравидийских языках и диалектах. Отсутствие письменности у многих мелких групп затрудняет окончательную классификацию. Обычным жилищем этих собирателей являются уже стабильные поселения, лишь во время длительных лесных переходов строятся временные заслоны из веток и листьев. У южных адиваси, как и у всех народов, стоящих на низком уровне общественного развития, существовала тесная связь с экологическим окружением. Богатая природа южных лесов практически обеспечивала все бытовые потребности народа — и стройматериалы, и незатейливые элементы костюма и украшений, и пищу, в целом более калорийную, чем у развитых равнинных соседей.

По сравнению с андаманцами, южноиндийские племена все же не были столь непреодолимо отделены от столбовой дороги развития страны, эпизодические контакты (набеги, обмен) у многих из них имели место, хотя велись нерегулярно и не оказывали решающего влияния на их жизнь. В результате последствия их выхода из изоляции оказались не столь трагическими, как в андаманском случае. Лишь ничтожная их часть перешла к земледелию, хотя правительство старалось создать для

них льготные условия. Часть их составила люмпенские слои ближайших городов. В целом же здесь можно наблюдать интересный процесс, который не ограничивается пределами Индии. По-прежнему их основным занятием остается собирательство (плюс охота и рыболовство), но собранные продукты уже не употребляются на месте, а обмениваются. Торговцы с равнин заинтересованы в лесных богатствах, которые имеют спрос и на общеиндийском рынке, но сами они не обладают навыками по их добыче. Лесные жители стали поставщиками лесных богатств и, таким образом, оказались втянуты в круг обмена. Они остаются собирателями, но задачи собирательства стали другими и диктуются требованиями обмена. Теперь для внутреннего потребления племени пользуются в значительной мере привозными товарами и продуктами, в обмен на которые поставляют на внешний рынок то, что имеет спрос.

Если раньше изоляты полностью удовлетворяли свои потребности за счет родной природы, то теперь они не смогли бы существовать, если бы оказались лишенными возможностей обмена. По словам Фукса, исследователя жизни адиваси, они стали «высокоспециализированными эксплуататорами окраинных земель, продуктами которых они снабжают... более крупные народы». Общества такого типа, находящиеся на грани цивилизованной и примитивной систем (не только в Индии), в последнее время привлекают внимание многих этнографов, которые предлагают для него разные названия — субнуклеарное, покупательское и др. Такое положение южноиндийских адиваси имеет как положительные, так и отрицательные характеристики. С одной стороны, в сложных условиях многоаспектной индийской экономики они обретают свою нишу, которая обеспечивает им постоянные средства к существованию. Но, с другой стороны, привязанные через обмен к экономике других народов, они не имеют перспектив самостоятельного развития, исходящего из потребностей самих малых народов.

Кроме собирателей и охотников, в лесах Южной Индии живут и ранние мотыжные земледельцы, также темнокожие веддоиды, в жизни которых еще прослеживаются черты недавних собирателей. В целом уровень хозяйственного развития племен южноиндийских гор крайне невысок, и наиболее реальная перспектива для них — это растворение в среде рабочих плантаций и других предприятий, владельцы которых широко используют дешевый, едва ли не рабский труд безземельных неквалифицированных батраков.